

Научная статья
УДК 801.731+801.733
DOI 10.18101/2686-7095-2023-1-64-72

**ФИЛОСОФСКИЙ НАРРАТИВ
В ПОВЕСТИ ТИМУРА ПУЛАТОВА «ВЛАДЕНИЯ»**

© **Угрюмов Владимир Евгеньевич**

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии,
Новосибирский государственный технический университет
Россия, 630087, г. Новосибирск, ул. К. Маркса, 20
v.u7@mail.ru

© **Ковырина Светлана Викторовна**

кандидат философских наук, доцент кафедры
гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин,
Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказания России
Россия, 654066, г. Новокузнецк, Октябрьский пр-д, 49
kov.s.v@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — анализ философского нарратива как особого метода организации текста в повести Тимура Пулатова «Владения». Исследователи творчества Т. Пулатова неоднократно подчеркивали философскую природу повести. Акцентируется внимание на особенностях литературного стиля автора в связи с проблемами нарратива. Полет главного героя, его воспоминания, наполняющие его события представлены сквозь призму аллегории, придавая метафоричность тексту произведения как особому представлению о жизни в целом, ее круговороте, модели мироздания. Раскрывается специфика повествования автора через воспоминания, ощущения, мировоззрение его героя — старого коршуна, чья способность к рефлексии приводит к осознанию конечности всего живого. Показано, что герой произведения — коршун, при организации своих действий в течение одного своего дня (самого важного) дает оценку всей своей жизни, выстраивая в определенной только ему последовательности эти события, вплетая в них онтологические картины живущих с ним рядом существ. Резюмируется, что благодаря нарративу появляется возможность проанализировать процесс самоидентификации, понимания себя и осознания своего места в мире.

Ключевые слова: коршун, полет, владения, стиль, нарратив, философская повесть, аллегория, метафоричность.

Для цитирования

Угрюмов В. Е., Ковырина С. В. Философский нарратив в повести Тимура Пулатова «Владения» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 1. С. 64–72.

Повесть Тимура Пулатова «Владения» (1974), стоящая особняком в его творчестве и в целом в литературном процессе поздних советских лет, содержит в себе огромное количество смыслов, которые можно объединить тем, что А. Г. Битов назвал «единственным тоном», «индивидуальной повадкой пулатовской прозы» [2, с. 116].

Для нас важно, что часть исследователей называет «Владения» философским произведением [4, с. 5], обращает внимание на интеллектуально-философский подтекст, на скрытое притчевое начало в творчестве Т. Пулатова, сопоставляет «Владения» Т. Пулатова с «Чайкой по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха [5, с. 45–46]. Критик В. И. Гусев определяет поэтому жанр повести «Владения» как «повесть-притчу» [5, с. 45–46], в которой автор в иносказательной форме через рассказ об одном значимом дне коршуна выражает не только свое видение жизни, но и упорядочивает воспоминания, рефлексиирует по поводу прошедших дней и лет. Точное, на наш взгляд, определение творчества Т. Пулатова как «превращение жизни» высказал А. Г. Бочаров, указывая на особенную иносказательность автора, на аллегории и условности в его произведениях, которые определяют творчество как владение миром, «но условность, которая не нарушает жизненные пропорции, не заменяет реальные фигуры эманацией, а как бы опрощает жизненный материал, чтобы подчеркнуть философскую мысль автора» [3, с. 531]. Мы, в свою очередь, отталкиваясь от методологии М. Эпштейна, определяем стиль прозы Т. Пулатова как «транскультурный», или полидисциплинарный, трансдисциплинарный стиль.

Философская направленность повести коррелирует с определенным типом нарративом. Он создает особый способ повествования о жизни, формирует определенные условия, конструирует свою картину действительности [13, с. 67], позволяя описать себя, окружающих, свои прошлые действия, взаимоотношения, осознать то, кем являются для нас окружающие [13, с. 100]. Собственно этот момент и определил цель данной статьи — выявление особенностей наррации в процессе конструирования проживаемой в данный момент реальности.

Особенность наррации в данном тексте заключается в том, что имеет место опрощение в структурировании воспоминаний, которые переплетаются с реальностью. Жизнь, раз за разом происходящая в круге владений коршуна, вневременная. С легким удивлением уже много лет коршун разглядывает и пытается понять это вечное «превращение жизни». Показать беспечно играющую вечность в одном дне — такова, на наш взгляд, задача автора. О. Х. Алимова отмечает, что «сюжет повести строится на основе движения философской мысли автора, постигающего первоосновы человеческого бытия» [1, с. 21]. Это как бы онтологическая картина: «в дне отлета после полнолуния есть какой-то большой смысл, в него невозможно проникнуть умом. Инстинкт повелевает коршуну лететь именно в этот день, ибо чувствует птица, что всякий раз после полнолуния что-то меняется в пустыне и на ее территории. А на территории, которая в чем-то изменилась, надо все проверить, измерить всю меру нового, понять, на пользу ли это новое, облегчает ли оно существование или же, наоборот, затрудняет его. И хотя за один короткий облет всего не оценишь — тем более изменения происходят столь часто, от полнолуния к полнолунию, — все же коршун пытается, если не оценить, то, во всяком случае, привыкнуть к этим изменениям, чтобы во время охоты не сделать неверного шага в новых условиях и не попасть впросак» [10, с. 286].

Ограниченность времени полета коршуна (предполетное состояние и полет) сжимает художественное время: за короткий отрезок времени коршун не только облетает свои владения, он успевает нарушить границы другого коршуна, всту-

пить в схватку, дать оценку этой схватке и своим силам, вспомнить и представить в ярких красках события и наблюдения прошедшего. Это сжатие позволяет актуализировать наиболее значимые моменты в жизни героя, которые работают на самоидентификацию, возможность закрепления себя и своего статуса в окружающем мире.

Сжатие как художественный прием дает о себе знать и в таком феномене, как память-сжатие, отличающаяся от памяти-воспоминания. «Здесь и сейчас» переплетаются с прошлым: «поднимаясь все выше, прыгнул, наконец, к расселине, возле которой мелькнуло у него смутное воспоминание. В расселине в своем гнезде сидела самка, и едва она увидела нашего коршуна, как выглянула и открыла клюв в знак покорности <...> коршун постоял и в знак памяти провел окрашенным клювом по ее шее и запрыгал дальше» [10, с. 288]. В приведенном отрывке как раз четко показана память-сжатие: воспоминание сохраняется само по себе, а не где-то. Вспоминая, мы имеем одновременность прошлого и настоящего. Прошлое же, как отрезок жизни, является полным интегральным прошлым. Согласно А. Бергсону, мы перемещаемся в прошлое вообще, и таким образом происходит онтологический скачок. Мы действительно перескакиваем в бытие, в бытие-в-себе, в бытие-в-себе-прошлого. Господствующие воспоминания представляют собой яркие точки памяти. Но не всегда воспоминания яркие и точные, как это мы видим у коршуна: воспоминания о кровавых ежегодных свадьбах. Смутные воспоминания всегда присутствуют в нашей памяти и порождают множество проблем. В основе механизма смутных воспоминаний лежат ассоциации и чувство смежности прошлых ощущений с теми, что мы оживляем. А. Бергсон считает, что мы не восходим от активного настоящего к прошлому и не соединяем заново прошлое с настоящим; но помещаемся сразу в само прошлое. Прошлое сосуществует в себе как настоящее [6, с. 86].

Л. В. Стародубцева рассматривает воспоминания как «сознательный прыжок». «Память иллюзорно уводит сознание от точки “здесь и теперь” в несуществующее прошлое “там и тогда”, в забытие отсутствия и возвращается обратно» [12, с. 41]. Рефлексия помогает коршуну понять и принять себя самодостаточным, но уже уставшим от жизни, опытным, одиноким, понимающим, что надо дать дорогу молодым. Чувство одиночества возникает у того, кто видит жизнь со стороны (высота полета) и совершает реальный и в то же время сакральный символический полет-обряд, чтобы осмотреть владения и испить воды на дальнем озере. Несомненно, глоток воды в пустыне, населенной ветрами, запахами и живыми существами, — есть творческий акт создания произведения (владения), к которому ведет автора (коршуна) определенный ход художественных ассоциаций (живые существа, предметы, ветры, запахи, память о прошлом), все то, что составляет его индивидуальный стиль (полет). Мы не можем говорить о нарративе как о способе, с помощью которого указанный нами автор любит себя, но можем говорить о нарративности как рефлексивном моменте («здесь и теперь»). Чем шире простирается видение коршуна пустыни, тем он более одинок, но это не трагическое одиночество, а творческое состояние, движением которого и результатом является создание художественного произведения.

Важнейшей особенностью стиля писателя, его особого видения, которое порождает определенное движение мысли, «внутреннего единства», которое, по

П. Н. Сакулину, зависит от «единства художественной цели, телеологии» [14, с. 131], является выбор особого нарратива, когда внеиндивидуальное становится «индивидуально-неповторимым, лично-особенным» [8, с. 10]. В философском нарративе Т. Пулатова важна роль метафоры. Важно понять, как она используется, как «употребляет метафору» автор [7, с. 226].

Метафора позволяет преодолевать границы между двумя основными типами мышления — мифопоэтическим и дискурсивно-логическим, связывает воображение с интеллектом. П. Рикер главной способностью метафоры считает передачу непередаваемой информации [11, с. 416]. Ортега-и-Гассет вообще считает особенностью философской мысли то, что она «как никакая другая постоянно и почти незаметно переходит от прямого смысла к косвенному» [9, с. 69]. Метафоричность, «акты создания изобразительных средств художником» [1, с. 20] создают мифопоэтическое видение в повести «Владения». Старый коршун, описание которого и движение его мысли странны и часто далеки от природного коршуна, совершает «комплекс действий — актов создания изобразительных средств», словно ежеминутно творя свои владения.

Каждый раз, творя свои владения, он утверждает свою жизнь. Важные вопросы бытия, которыми занят коршун, традиционно даны парами: жизнь и смерть, молодость и немощь, день и ночь, полет и возвращение, свобода и плен. Тем самым автор создает экзистенциальную гармонию текста. В повести мы наблюдаем триединство мира: небо, земля и подземный мир. Роль мирового дерева выполняет скала с гнездом коршуна, а также цель полета — живое «деревце ива» на берегу высохшего озера. Скала — телесный символ домашней крепости, стабильности; ива — символ трепетной души, мечты, чего-то дальнего, символ утоления желаний. Скала, или дерево жизни, для коршуна всегда есть начало выбора и конец пути, точка отправления и точка возврата, место начала процесса творчества и место оценки его результата, все на скале жизнь и все смерть. Она — страх и слава коршуна, память и обещание райской жизни. Пока коршун один и желает быть один — это нечто индивидуальное, переломное для него, исключительное. Так понимают на Востоке число один. В суфийской поэзии образ, не имеющий пары, а таким является коршун в момент облета, выходит из мира мнимых видимостей, из мира иллюзий, и ему открывается божественная истина. Считается, что один всегда чувствует свою душу, двое же как противоположности создают пару и рожают новую душу. Поэтому коршун, совершив свой одинокий творческий облет владений, воссоединяется с самкой, которая ждет его на скале.

Особую роль в философской символике повести играет образ ветра. Он проникает струйками в нору суслика, он носит в «нижних высотах над пустыней» потоки воздуха «со струей легкого песка и листьями одуванчика», он танцует, он «плотный как сама мгла». Столбы вертикальных потоков ветра использует коршун для того, чтобы взлететь. Ветер может быть очень ласковым, и тогда он приносит различные запахи, чаще всего запах полыни, запах жизни. Ветер может становиться бурей. Ветер создает форму скал: «ветер, танцующий волчок, принесет с собой песок, посыплет к подножию скалы, затем покружится вокруг столба, оставляя на скале влажные следы, поднимется потом на верхушку, побегаает по кругу шапки — шапка тоже вспотеет ненадолго, — полетит се-

рым вихрем к небу, разматываясь и уменьшаясь постепенно, и где-то уже на черте видимости подберет он тонкий свой хвост и растворится, превратившись в беспокойный и подвижный слой воздуха, из которого потом снова рождаются ветры и воздушные течения» [10, с. 174]. Пулатов подробно описывает начало полета, словно оно есть вдохновение, обещание владения миром, коршун отдаётся во власть «столбового ветра, удаляясь все выше от земли». Но самый важный ветер в произведении, который «наполняет все во всем» и соединяет все три мира (подземный, земной и небесный), показан автором как легкое дуновение. Это дает нам право видеть несомненную аллюзию на библейский текст: «выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь» (Библия, 3 Цар. 19:11).

Отметим, что повествование движется в повести Пулатова через семь сфер — это различные состояния коршуна. Священность числа семь символизирует на Востоке главные ступени жизни человека: рождение, мужание, овладение мастерством, создание семьи, отцовство, война, успокоение (старость, болезнь и смерть). Все эти сферы или ступени так или иначе присутствуют в повести Пулатова и составляют осознание коршуном своего важного дня облета владений как осознания всей жизни. Этот один день символизирует семь дней творения владений.

Рассмотрим последовательно сферы движения коршуна. Начинается повесть с интуитивного предчувствия творчества, пути над пустыней, творческой полноценности жизни: «Этот коршун после ночи полнолуния всегда облетал территорию <...> вздрагивая в страхе от шорохов и блеска упавшей звезды. <...> Зная, что ему принадлежит территория, коршун считал себя полноценной птицей, а отними у него этот путь над пустыней, он, униженный и забытый, просунул бы в тоске клюв в песок и умер» [10, с. 262]. Пустыню мы понимаем как чистое видимое пространство, чистый лист, на котором должна сотвориться радость жизни, чтобы быть увиденной и именованной. «Вначале земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Бытие, 1:2). Творец живет в своем творении, и, если отнять у него возможность творить, он умрет, исчезнет. Здесь впервые в повести появляется образ носящегося ветра, словно некоей мыслительной сущности (автора), способной сначала отяжелить, но эта тяжесть и есть сила полета, ветер пробуждает в коршуне понимание того, что он птица, треплет (создает) коршуну крылья и наполняет его воздухом, словно вдыхает в него силу жизни: «Поток воздуха, плывущий в нижних высотах над пустыней, желтый, со струей легкого песка и листьями одуванчика, плотный, как сама мгла, безо всякого усилия и напряжения трепал птице крылья, и коршун, наглотившись воздуха, с надутыми боками, отяжелевший, опускался на песок» [10, с. 261]. Этот первый ветер состоит из легкого песка и листьев одуванчика, из живого и мертвого.

Первую сферу можно озаглавить так — «Подземная и земная жизнь: запахи». Мы знакомимся с важным персонажем повести — сусликом. Грызун олицетворяет земное и подземное существование, связь с миром людей, сытость, сон и

уютную безопасную нору, в которую могут проникнуть лишь струйки воздуха да запах полыни, как запах спокойствия, запах деревни, людской запах: «хвост света забирал все запахи на шерсти; запахи влажного песка в норе, полыни, которой прикрыт вход, а полынь пахнет солью, от нее щиплет в носу, а также людским жильем, ибо полынь — это связной между людьми и зверьем» [10, с. 262]. Полынь у Пулатова — или живое существо без лица, или запах и движения рисуют ее лицо. «Полынь зашевелится, пытаясь вылезти из-под спящего суслика <...>, чтобы катиться потом в одиночестве по пустыне», «Полынь свернется в комок, как сворачивается она обычно перед мордой какой-нибудь овцы» [10, с. 263].

Вторую сферу можно определить как «Ветер и свет — роса. Поэзия земной жизни». Светает, коршун готовится к полету. Пустое, пустынное состояние ночи полнолуния, ночи перед дневным полетом, рождающим жизнь и территорию коршуна, Пулатов описывает как чистый, безжизненный лист бумаги: «Ночью в полнолуние все залито неестественным холодным светом, от света этого не шевелится трава, и птенцы не растут в яйцах, и много старых птиц и зверья умирает в эту ночь — нет роста и приобретений, зато много потерь в пустыне» [10, с. 268]. Но вот наступает утро, ветер и свет рожают «прилет росы». Роса символизирует начало жизни в пустыне. Рождение росы есть начало движения поэтических ассоциаций в повести Пулатова, потому что она сама поэзия. «Роса, чистая и прозрачная, пахнувшая высотами мироздания, где летает звездная пыль, живет только в полете, от матового света до песка — вот отрезок короткой, но поистине поэтической жизни!» [10, с. 268]. Свет и ветерок (легкое дуновение) — это в повести нечто единое, и свет так же, как ветерок, показан с намеком на библейскую метафору, говорящую о Боге как о полноте, наполняющей все во всем, успокаивающей. «Свет, как бы проникающий во все, просачивающийся сквозь барханы и заросли, скалы и посему не оставляющий теней и своих отпечатков, спокойный, умиротворяющий» [10, с. 269]. Земная жизнь, жизнь жуков, увиденная коршуном на рассвете, выглядит жалкой и плутовской. Он с удивлением наблюдает ее и готовится подняться над ней для своего полета. «В те короткие мгновения, когда коршун открывал глаза и наблюдал за скарабеем, он видел среди них обман и воровство <...> Зато надо всем, что здесь суетится, обманывает друг друга, — скарабеем, сизифами, полевыми мышами, снующими с рассвета от куста к кусту, над всей мелкой живностью — висит смертоносный клюв коршуна. Они как его подданные, ибо живут на его территории» [10, с. 271].

Сфера третья — подготовка к полету, освобождение. Коршун выпрыгивает из гнезда на камень, что висит над ним, выходит в свободное пространство. Солнечное тепло ласкает и выпрямляет крылья. «Коршун почувствовал, как голова и все тело стали легкими, гибкими, и он несколько раз, прыгнул на месте, ощущая в себе готовность достойно прожить грядущий день» [10, с. 272]. Коршун совершает обряд восхождения на вершину скалы, словно прощается и вспоминает прожитую жизнь, готовится к владению новой.

Поэтому четвертая сфера, в нашем понимании, сфера памяти, где прошлое коршуна показано как кровавая птичья свадьба, смертельный бой за самку. Это мысленное путешествие в прошлое соответствует «церемонии обхода скалы». Только после воспоминаний коршун готов к полету, или, как мы понимаем, к

творчеству. Теперь коршун ждет тот «столбовой ветер», который поднимет его. «Коршун смотрел на пески и ждал, желая увидеть, как поднимается вверх столб воздуха, из которого образуется ветер, что дует прямо в небо... и тут родился столбовой ветер» [10, с. 280].

Сфера пятая: «Начало полета, объятия ветра». «Коршун <...> раскрыл крылья на всю длину взмаха и так неподвижно <...> удалялся все выше от земли». Думаем, что в этой сфере наиболее точно описано творческое состояние как движение авторских ассоциаций, которые переданы через описание разных состояний ветра, ощущаемых коршуном в полете. Мы встречаем столбы ветра, маленький ветер, хвост ветра, жаркое и прохладное течение, и все они знакомы коршуну, понимаемы им. Под собой, на земле он видит труп зайца и жуков-мусорщиков, над собой в небе он видит беркута — хозяина другой территории, других сфер. «Все, на что он смотрел с высоты, было унылым и однообразным — почти ровная долина» [10, с. 287]. Именно в этот момент наступает время зарождения нового видения коршуном своей старой территории.

Шестая сфера «Новое чувство и новые ветры». В этот момент появляются новые, незнакомые ветры, и тень птицы — единственный свидетель полета. Момент творчества традиционно связан у Пулатова с ожиданием бури и покоя. «Буря может длиться совсем недолго, но после нее в любое время дня и ночи наступает такая тишина в пустыне, благостная, усталая, что даже сверчок боится потревожить уснувшие звуки <...>, все разом проиграл буран, перемешал все ноты. И после отлета бури земля пребывает в глубокой тишине, ловя новые звуки для новой гармонии» [10, с. 290]. После бури коршун достигает цели своего полета, или творческого акта, он достигает соленого озера и совершает глотки желанной воды. «Коршун выпил всю воду и, почувствовав слабость и томление, решил сразу же улетать обратно» [10, с. 293].

Седьмая сфера — путь обратно или примирение с жизнью — начинается странной фразой: «Время укоротилось, перевалило за полдень, но зноя не прибавилось» [10, с. 293]. Ее можно интерпретировать как вторую половину жизни человека, когда время становится короче, а жар жизни угасает. Коршуна уже мало интересует кипящее пространство, ставшее для него опять пустыней, оно не радует уставшую птицу. Он совершил полет, создал его, свершил задуманное и теперь стремится вернуться в гнездо отдохновения. Здесь он более всего похож на человека, жизнь которого близится к закату. «Сейчас коршун почти не замечал земли, взгляд его был напряженный, усталый и скользил по пустыне равнодушный, как собственная тень» [10, с. 293]. В этой части повести полет ассоциируется не только с творческим порывом, но и с отмеренным жизненным сроком вообще. Тогда в образе полета коршуна мы приходим к пониманию подлинной жизни как творческого процесса. Единственное странное существо, которое возбудило любопытство коршуна, — это старая летучая мышь, «с видом странным и трогательным», летевшая днем и у которой «остался лишь инстинкт ухода, бегства из гнезда, от сородичей» [8, с. 294], чтобы умереть. Коршун с удивлением изучает нетопыря и неосознанно ассоциирует его образ со своей жизнью. Движение мыши кажется ему сначала его собственной тенью.

После встречи с умирающей мышью и удачной охоты на нее коршун чувствует себя слабым и немощным. Он не слышит даже «шороха собственных

крыльев». Напавший на него другой коршун олицетворяет новый мир, приходящий на смену миру стареющего коршуна. Коршун, «тяжело дыша теплой вечерней росой» (помним, что роса — это поэзия), опускается на землю, где его поджидает ночь. Он уже не выглядит так бодро, как перед полетом: «Коршуну стало жаль себя, одинокого среди ночи, где за каждым кустом таится опасность» [10, с. 300]. Он возвращается на свою скалу, где его ожидает самка, «еще совсем не старая, заботливая и добрая» [10, с. 301], он возвращается в гнездо для покоя и отдохновения.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что перед нами за один полет (один день) раскрывается нарратив, процесс рассказывания о начале, дальнейшем развертывании и о сопутствующих в ходе действия взаимоотношениях. Действие или поступок необходимы для того, чтобы мы увидели проявление сущности личности, в данном случае — коршуна. Своеобразие стиля Т. Пулатова заключается именно в том, что благодаря нарративу происходит индивидуализация Я и идентификация действий героя: его самодостаточности и самооценности, т. е. нарратив выступает законченным высказыванием (или текстом), содержащим уже определенные нравственные ориентиры, придающие особенность созданному образу. Таким образом, в повести «Владения» реализуется новая форма повествования — воспоминания в процессе совершаемых действий.

Литература

1. Алимова О. Х. Художественное воплощение философской проблематики в творчестве Тимура Пулатова: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1993. 19 с. Текст: непосредственный.
2. Битов А. Г. Статьи из романа. URL: https://docs.yandex.ru/bitov_statji_iz_romana_1986__ocr.pdf/bitov_andrey_georgievich/kniga_puteshestviy_po_imperii-read.html (дата обращения: 20.11.2022). Текст: электронный.
3. Бочаров А. Превращение жизни. Послесловие // Пулатов Т. И. Владения: роман, повести, рассказы. Кишинев: Лит артистикэ, 1986. 541 с. Текст: непосредственный.
4. Буранова Ж. А. Особенности мифологизма в повести Тимура Пулатова «Владения». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mifologizma-v-povesti-timurapulatova-vladeniya> (дата обращения: 21.12.2022). Текст: электронный.
5. Гусев В. И. Зовы стихии и голос века // Литературное обозрение. 1978. № 1. С. 45–46. Текст: непосредственный.
6. Делез Ж. М. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. Москва: Per Se, 2000. 349 с. Текст: непосредственный.
7. Лосев А. Ф. Философия имени. Москва, 1927. 269 с. Текст: непосредственный.
8. Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). Москва: Владос, 1999. 375 с. Текст: непосредственный.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Тайна метафоры. Москва: Прогресс, 1990. 511 с. Текст: непосредственный.
10. Пулатов Т. Жизнеописание стропитового бухарца: роман, повести, рассказы. Москва: Молодая гвардия, 1980. 461 с. Текст: непосредственный.
11. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. 516 с. Текст: непосредственный.
12. Стародубцева Л. В. Философский нарциссизм и припоминание // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 40–50. Текст: непосредственный.
13. Трубина Е. Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 272 с. Текст: непосредственный.

14. Угрюмов В. Е. Стиль и образы повести Т. И. Пулатова «Владения» // Язык — Культура — Образование. Новосибирск, 2021. С. 126–137. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.

PHILOSOPHICAL NARRATIVE
IN TIMUR PULATOV'S NOVEL "POSSESSIONS"

Vladimir E. Ugryumov

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof. of Philology Department,
Novosibirsk State Technical University
20 K. Marksa St., Novosibirsk 630087, Russia
v.u7@mail.ru

Svetlana V. Kovyrshina

Cand. Sci. (Phil.), A/Prof. of Humanities, Socio-Economic
and Natural-Scientific Disciplines Department,
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
49 Oktyabrsky proyezd, Novokuznetsk 654066, Russia
kov.s.v@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze philosophical narrative as a special method of organizing the text in Timur Pulatov's novel "Possessions". Researchers of T. Pulatov's work have repeatedly emphasized the philosophical nature of the story. We focus on the features of narrative in the author's literary style. The flight of the central character, his reminiscences, the events that imbue him are presented through the prism of allegory giving metaphorical character to the text of the work as a special representation of life as a whole, its cycle, a model of the universe. The specificity of the author's narration is revealed through the memories, sensations, worldview of his hero — an old kite, whose ability to reflect leads to awareness of the finiteness of all living things. It is shown that the kite, when organizing his actions during one of his days (the most important day), gives an assessment of his life, setting the events in a sequence determined only by him, weaving into them ontological pictures of the creatures living next to him. We have summarized that thanks to the narrative it is possible to analyze the process of self-identification, self-understanding and awareness of one's place in the world.

Keywords: kite, flight, possession, style, narrative, philosophical novel, allegory, metaphor.

For citation

Ugryumov V. E., Kovyrshina S. V. Philosophical Narrative in Timur Pulatov's Novel "Possessions". *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2023; 1: 64–72 (In Russ.).

The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 15.02.2023.